

20. Жизнь Алтая. 1915. 24 сент.
21. ГАНО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 49. Л. 209.
22. РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 472. Л. 114, 325.
23. РГАНХ. Ф. 6936. Оп. 1. Д. 87. Л. 123, 124.
24. РГИА. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 310.
25. Жизнь Алтая. 1916. 11 янв.
26. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 2080.
27. Жизнь Алтая. 1917. 19 янв.

И. А. Еремин, Т. А. Кижаяева

Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Программы учебного курса... / Программа курса «История Алтайского края в XX в.» для 9 кл. Раздел III. Общественно-политическое развитие; Программа курса «История Алтайского края со второй половины XIX в. до наших дней» для 11 кл. Раздел VIII. Столкновение реформаторского и революционного путей преобразования страны в начале XX в.

Изучение жизни регионов в период Первой мировой войны позволяет по-новому взглянуть на некоторые общие проблемы участия России в этом глобальном конфликте. Не случайно в советский период этой теме уделялось крайне незначительное внимание. Это было связано с идеологизированным, односторонним подходом ко всей истории Первой мировой войны. Подобная ангажированность проистекала из ленинской характеристики той войны как грабительской и империалистической, в том числе и со стороны России. Кроме того, за всем этим стояла апологетика большевистской политики, направленной на поражение своего правительства в мировой войне и превращение ее в войну гражданскую. Следствием этого являлся сугубо тенденциозный подход, который изначально исключал саму возможность патриотического единения российского общества перед лицом внешней военной опасности. В результате практически во всех публикациях советских авторов слово «патриотизм» применительно к желанию организаций или отдельных лиц помочь своей стране в трудную минуту бралось в кавычки. Любая помощь русской армии в эти годы объяснялась пресловутым «шовинистическим угаром» [1, с. 180, 183, 187]. И все это представлялось лишь эпизодом на фоне классовой борьбы большевиков против эксплуататоров. В итоге созидательная часть деятельности общества в данный период истории в работах советских исследователей сознательно обесценивалась. Поэтому в настоящей работе главное внимание уделено созидательным аспектам жизни Алтайского округа в период Первой мировой войны, рассмотрены такие проблемы, как материальные поставки из округа для нужд армии, организация призыва на военную службу в регионе, влияние на состояние дел на Алтае чрезвычайных миграционных потоков (беженцы, военнопленные), а также общественные настроения разных групп населения.

Алтайский округ до Первой мировой войны входил в состав Томской губернии, на него приходилась большая часть ее территории и населения. Вся юго-восточная часть губернии, включавшая в себя Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Кузнецкий и часть Томского уездов, составляла особый округ Кабинета его величества. Алтайский округ занимал площадь 41 600 000 десятин, или около 400 000 кв. верст [2, с. 388, 391]. Это составляло более половины площади Томской губернии, равной приблизительно 79 млн десятин [3, с. 1], или 744 556,7 кв. верст [4, с. 185].

Еще более значительным был людской потенциал Алтайского округа в рамках Томской губернии. Из общего числа жителей губернии на 1 января 1913 г. (4 011 424 чел.) 14 258 877 чел. проживали в Барнаульском уезде (35,5% всего населения), 47 534 – в Бийском (11,8%), 453 740 – в Змеиногорском (11,3%), 302 608 – в Кузнецком (7,7%) [5, с. 2, 3]. Следовательно, на территории округа проживало около $\frac{2}{3}$ населения губернии.

Лидирующим было положение Алтая в рамках губернии и в экономике. В сельском хозяйстве, которое являлось главной отраслью экономики губернии, на долю округа приходилась основная часть посевных площадей, поголовья скота, сбора важнейших культур. Так, из общей посевной площади губернии в 1914 г. 4 123 206,1 десятин приходилось на входившие в состав округа уезды. На Барнаульский уезд приходилось 1 869 404,4 десятины, на Бийский – 465 378,7, на Змеиногорский – 585 987,5, на Кузнецкий – 265 789,2 [6, с. 39]. Из общего ежегодного сбора хлеба и картофеля по губернии в объеме 230 млн пуд., на долю одного лишь Барнаульского уезда приходилось около 100 млн пуд. [7, с. 90]. При этом весь хлебный избыток за предвоенный 1913 г. по Томской губернии приходился на Алтайский округ и составлял 46 млн пуд., причем один Барнаульский уезд давал 37,2 млн пуд. [8]. Животноводство Алтая также располагало весьма значительным потенциалом – более 6,5 млн голов рогатого скота и лошадей [8].

Томская губерния являлась до войны первой по уровню развития обрабатывающей промышленности в Сибири. Обрабатывающая промышленность в основном специализировалась на переработке сельхозпродуктов. И здесь Алтайский округ также занимал ведущие позиции. Настоящий бум переживало в этот период маслоделие. Об этом свидетельствует, в частности, такой факт: из 2 188 тыс. пуд. масла, произведенных в губернии в 1912 г., на долю Алтайского округа приходилось 1 646 тыс. пуд. [8]. В среднем из округа до войны вывозилось в год не менее 1,5 млн пуд. сливочного масла [2, с. 427], что составляло примерно треть всего сибирского экспорта этого продукта. Кроме того, Алтай был центром мукомолья не только в Томской губернии, но и во всей Западной Сибири. Только Новониколаевский район

ежегодно производил до 11 млн пуд. муки, Барнаульский – 2,5 пуд., Бийский – 1 млн пуд. [9, с. 103].

Кроме обрабатывающей, определенное развитие в округе получила горнодобывающая промышленность. Именно здесь располагалась территория Кузнецкого бассейна – основной угольной базы всей Западной Сибири. Только на Анжерских угольных копях в 1912 г. добывалось до 20 млн пуд. угля. Основная его масса потреблялась западным участком Сибирской железнодорожной магистрали [9, с. 83]. В 1914 г. в Риддерском районе право добычи из руд золота, серебра, меди, цинка, свинца и других металлов было предоставлено Риддерскому горнопромышленному акционерному обществу. Оно начало строить специальную железную дорогу от Риддерского рудника в Змеиногорском уезде до Иртыша для подвоза туда руды и концентратов. Предполагалось отправлять далее руду для обработки вниз по Иртышу к Павлодару, откуда по железной дороге перевозить ее на завод, построенный вблизи Экибастузских каменноугольных копей [10, с. 173].

В силу специфики развития экономики региона главным вкладом округа в дело помощи фронту стали поставки в армию хлеба и мясо-молочной продукции. С целью надежного обеспечения продовольственных заготовок для армии с 17 февраля 1915 г. по всей стране законодательно была разрешена реквизиция продуктов в случае их нехватки на рынке. Такие реквизиции могли предприниматься командующими военных округов по согласованию с местными губернаторами. На реквизируемую продукцию устанавливались твердые цены, которые утверждались распоряжением Особого совещания при Главном интендантском управлении. В рамках этого решения командующий Омским военным округом генерал Шмит, в ведении которого находилась и Томская губерния, своим постановлением от 27 февраля 1915 г. предоставил губернатору «право реквизировать продовольственные и фуражные припасы с уплатой за них на 20% дешевле особо установленных и объявленных цен» [11, л. 161]. В августе 1915 г. было создано Особое совещание по продовольствию. На местах появились уполномоченные этого Совещания. В Сибири уполномоченным по заготовке хлеба для армии был назначен подполковник фон Штейн.

Томская губерния, и прежде всего Алтайский округ, представляли для заготовителей огромный интерес. Так, согласно докладу, сделанному 3 июля 1915 г. на совещании в Новониколаевске, в регионе «остаток свободного, предложенного к вывозу хлеба выражался в среднем в количестве 50 млн пуд.». А всего излишек хлебов в 1915 г. с учетом остатка 1914 г. достигал здесь, по данным Сибирского порайонного комитета, 87 212 000 пуд. [12]. Анализ разнообразной информации позволяет сделать вывод о том, что поставки хлеба для армии из региона, исчисляемые ежегодно в миллионах пу-

дов, проходили весьма успешно. В этом была большая заслуга группы в составе 27 человек, которая производила заготовку хлеба для армии в пределах округа и губернии. Среди тех, кто активно работал на территории округа, следует отметить К. А. Малюкова – инструктора полеводства из Барнаула и Н. Г. Сельменского – заведующего Шелаболихинским отделением сельскохозяйственного склада Переселенческого управления [11, с. 164].

С самого начала войны, кроме властных органов, в дело организации поставок продовольствия для армии включились и кооперативы Алтайского округа. Уже в ноябре 1914 г. кредитные товарищества Новониколаевского района отправили для армии 152 тыс. пуд. хлеба [13]. Созданный в конце 1915 г. в Барнауле Алтайский союз кредитных и ссудно-сберегательных товариществ через год приступил к массовой заготовке продуктов для армии. Согласно договору, заключенному с уполномоченным правительства, Союз начиная с конца 1916 г. осуществлял в течение года поставку в армию до 2 млн пуд. мяса, 1,5 млн пуд. пшеницы, 0,25 млн пуд. овса и до 0,5 млн пуд. сена [14, л. 197]. Благодаря деятельности Омской и Томской организаций по заготовке хлеба в губернии и округе за 1914–1917 гг. прежде всего для нужд армии было закуплено 22 млн пуд. различных сортов хлеба [3, с. 18].

Мукомолы округа благодаря военным поставкам наращивали объемы производства. Например, «Алтайская фабрично-промышленная компания» только за 1915 г. выполнила заказов по поставке муки на сумму свыше 1 млн руб., а в 1916 г. – почти на 1,9 млн руб. [15, с. 105]. Кроме зерна и муки, из округа для действующей армии шел поток готовых хлебных изделий. В Новониколаевске действовал сухарный завод военного ведомства производительностью 1 млн пуд. сухарей в год [1, с. 116].

Не менее важной задачей, которую решали власти округа в рамках оказания материальной помощи фронту, была мобилизация лошадей для нужд армии. Кузнецкая лошадь, называемая также томской, была довольно рослой и выносливой и пользовалась широким спросом не только в азиатской, но и в европейской части России. Лошадь именно этой породы украшала собой томский губернский герб. Во время русско-японской войны вся артиллерия 4-го Сибирского корпуса имела в упряжке кузнецкую лошадь, оказавшуюся весьма пригодной для этой цели [16, с. 301]. Начавшаяся мировая война требовала постоянных поставок лошадей для кавалерийских и пехотных частей. Кузнецкая лошадь оказалась вновь «мобилизованной» на войну.

Большая ответственность легла в связи с этим на плечи служащих отделений конского запаса, расположенных на территории округа. Насколько масштабной была их деятельность, можно судить по следующим цифрам. Только 27 февраля 1916 г. по Новониколаевскому сдаточному пункту было принято в войска 1 314 лошадей, а 10 июня того же года их количество дос-

тигло уже 3 300 голов [17, л. 25]. Лошади поступали в отделения конского запаса по военно-конской повинности большей частью изнуренными, невыезженными, нековаными. Подготовка таких лошадей к отправке в действующую армию требовала самоотверженной работы всех офицеров и солдат отделений конского запаса. По представлению члена Совета по государственному коннозаводству генерал-майора Грушецкого 26 офицеров отделений конского запаса Омского военного округа в марте 1916 г. были награждены орденами, среди них командир Новониколаевского отделения конского запаса есаул В. Коростелев [18, с. 191].

Самым крупным вкладом в дело помощи фронту со стороны горнодобывающих и металлургических предприятий округа можно считать деятельность Риддерского горнопромышленного акционерного общества по выполнению заказа Ижорского завода морского министерства о поставках последнему 30 тыс. пуд. цинка. Согласно условиям договора от 28 марта 1916 г., все поставки должны были завершиться в мае 1917 г. [19, л. 69; 20, л. 29–30]. Все в 1917 г. обществом было получено на своих заводах в Змеиногорском уезде округа и на территории Семипалатинской области 23 пуда рудного золота, 142 пуда серебра, около 95 тыс. пуд. цинка, 80 тыс. пуд. свинца и 5 тыс. пуд. меди [21, с. 91].

В годы войны наращивалась угледобыча в Кузнецком бассейне: с 47 млн пуд. в 1913 г. она выросла до 72 млн пуд. в 1916 г. [22, с. 214]. Уже с августа 1914 г. для работающей на военные нужды Северо-Западной железной дороги из Анжерских копей началась поставка в общей сложности 3 млн пуд. угля [23, л. 84–85].

Предприятия обрабатывающей промышленности Алтая смогли внести свою лепту в дело помощи фронту в значительной степени через систему созданных летом 1915 г. военно-промышленных комитетов (ВПК). Наибольшую активность проявляли ВПК Барнаула, Новониколаевска и Бийска. Местные ВПК сумели вовлечь в сферу выполнения военных заказов десятки мелких предприятий и мастерских, которые в широких масштабах изготавливали для нужд армии сапоги пехотного образца, полушубки, шапки, валенки, подковы, седла, повозки, шанцевый инструмент и т. д. Согласно данным, например, Барнаульского ВПК, который возглавлял руководитель местного биржевого комитета А. Р. Михаловский, уже к осени 1915 г. город, являвшийся центром шубно-пимокатного производства в регионе, мог поставить в армию до 1,5 тыс. полушубков в неделю и 1 080 пар сапог в месяц. Количество поставляемых для военных нужд валенок определялось в 4–5 тыс. пар каждую неделю [24]. Это было вполне по силам для города, в котором в годы войны ежегодно изготавливалось до 600 тыс. пар валенок [25, с. 25].

Главной задачей всех ВПК страны в 1915 г. было оказание помощи правительству в увеличении производства артиллерийских снарядов. Эта задача для комитетов Алтайского округа, где отсутствовали крупные промышленные предприятия, была в высшей степени сложной. И тем не менее даже в условиях существовавших в регионе небольших мастерских ВПК находили возможность помочь фронту решать проблему дефицита артиллерийских боеприпасов. При этом ВПК старались привлекать к выполнению заказов предприятия, расположенные не только в городской черте, но и в соседних уездах. Так, руководство Барнаульского комитета 2 октября 1915 г. заключило договор с владельцами чугунолитейного завода в с. Усть-Чарышская Пристань Бийского уезда Е. Г. Постниковым на поставку до января 1916 г. 4 тыс. чугунных снарядов для девятисантиметровых бомбометов германского образца. В этот же день комитет заключил с проживающим в Бийске техником П. С. Манохиным договор на изготовление к такому же сроку 3,5 тыс. аналогичных снарядов [26, л. 685–687 об.]. Свидетельством высокого качества снарядов, изготавливаемых мастерами Барнаульского комитета, являлся заказ от механического отдела Центрального военно-промышленного комитета на изготовление к 1 июля 1916 г. значительного количества минометных мин [27]. Принимали участие ВПК округа и в обеспечении воинских частей продуктами. Новониколаевский комитет, к примеру, только за первую половину 1917 г. заготовил с этой целью 25 тыс. пуд. соленой рыбы [28, л. 16].

Материальные поставки из округа для армии проходили на фоне заметного ухудшения экономической ситуации в регионе. Особенно тяжелым было положение в сельском хозяйстве. В целом по Томской губернии из-за влияния войны, и прежде всего мобилизаций мужчин в армию, посевная площадь сократилась в первый год на 636 тыс. десятин, а во второй год — еще на 485 тыс. десятин. Общая посевная площадь уменьшилась на 28%, количество скота — на 28–29%. Заметно снизилась урожайность основных зерновых культур: так, урожайность пшеницы, составлявшая в 1914 г. 74 пуда с десятины, упала в 1916 г. до 47 пуд. с десятины [3, с. 19].

С самого начала войны началась мобилизация населения Алтая. В течение трех лет войны Сибирь в целом и Алтай в частности пережили 20 воинских наборов мужского населения: в 1914 г. — 6, в 1915 г. — 10 и 1916 г. — 4. Из общего числа призванных в армию в годы войны сибиряков в количестве около 1 млн чел. на долю Томской губернии пришлось около 600 тыс. чел. [3, с. 19]. На Алтайский округ приходилось более половины призванных в армию в губернии. И по Сибири, и по Алтаю в армию было мобилизовано более половины всех трудоспособных мужчин. Сотни тысяч наших земляков, надев солдатские и офицерские мундиры, храбро сражались на всех

фронтах мировой войны в составе сибирских полков, бригад, дивизий и корпусов. Призывные кампании в целом прошли в округе достаточно успешно.

Особняком здесь стоит всеобщая мобилизация в июле 1914 г. В это время на территории Российской империи повсеместно произошли волнения мобилизованных. Главными районами волнений на Алтае являлись Барнаульский, Бийский и Змеиногорский уезды. Недовольство запасных было связано с условиями призыва: переполненностью казарм, задержкой выплат кормовых и других пособий, началом антиалкогольной кампании, неудовлетворительными условиями транспортировки, грубым обращением и т. д. Наиболее крупные волнения произошли 20 июля – 4 августа в с. Павловском и 21–25 июля в Барнауле. В советский период волнения запасных на Алтае в июле 1914 г. квалифицировались «как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания после поражения русской революции» [29, с. 207]. В настоящее время подобная оценка выглядит явной натяжкой. В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня превагируют два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию деревенских проводов рекрутов на войну, обязательным элементом которой была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью [30, с. 103]. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов. Необходимо также отметить, что в дореволюционный период официальное объяснение волнений запасных в июле 1914 г. также связывалось с «пьяным бунтом».

Не обошли стороной Алтай и крупномасштабные чрезвычайные миграционные потоки, вызванные мировой войной. Уже в первые месяцы войны в далекой от линии фронта Сибири появились беженцы. Их количество в регионе многократно увеличилось со второй половины 1915 г., когда русская армия под натиском превосходящих сил австро-германской коалиции вынуждена была покинуть западные губернии страны. Вместе с отступающей русской армией уходило на восток и местное гражданское население. Масштаб народной трагедии был очень велик. Согласно данным Отдела по устройству беженцев, на 1 мая 1916 г. в России было около 3,2 млн беженцев

[31, л. 537]. Уже осенью 1915 г. в Сибири находилось 160 тыс. беженцев. Значительная их часть была размещена в населенных пунктах Томской губернии и Алтайского округа. По данным томского губернатора В. Н. Дудинского, только с 1 августа по 1 ноября 1915 г. через губернию проследовало около 63 тыс. беженцев, до 28 тыс. из них были расселены в ее населенных пунктах [32, л. 15]. По предложению губернатора в конце лета – начале осени 1915 г. в уездах и уездных городах стали создаваться местные комитеты для оказания помощи беженцам [33, л. 157–157 об.]. Местные комитеты должны были работать под руководством губернского комитета по делам беженцев. Большую работу по налаживанию помощи беженцам проводило руководство Алтайского округа во главе с В. П. Михайловым.

Губернские власти с самого начала работы пытались настроить местные комитеты на конкретную заботу о каждом отдельном беженце. Согласно циркуляру от 25 ноября 1915 г., местные комитеты должны были доставлять в губернский комитет все сведения о беженцах 4 раза в месяц: на 1, 8, 15 и 22 число каждого месяца [34, л. 26]. У комитетов были общие проблемы – нехватка средств, помещений, теплой одежды, медикаментов. И все-таки эти проблемы решались при опоре на разнообразную помощь местного населения. Примеров бескорыстной помощи беженцам в этот период было великое множество. Только в Барнауле за первую половину сентября 1915 г. 54 беженца были взяты на полное иждивение местными частными лицами и учреждениями [35].

Еще более трудная ситуация для беженцев сложилась в сфере трудоустройства. Власти были заинтересованы в том, чтобы трудоспособные беженцы как можно быстрее находили себе работу и заработок. Основная масса трудоспособных беженцев из западных губерний с большим желанием занималась поиском работы. Но, имея, как правило, более высокую профессиональную квалификацию, чем местное население, они нередко просили за свой труд и большую зарплату. Не встречая согласия местных работодателей, такие беженцы стремились вернуться на государственное довольствие. Учитывая аграрный характер региона, губернская администрация пыталась направить большую часть трудоспособных беженцев на сельскохозяйственные работы. Этому, в частности, было посвящено заседание губернского управления 29 февраля 1916 г. На февраль 1916 г. из общего числа беженцев губернии (34 202 чел.) трудоспособными были признаны порядка 6 тыс. человек. Упор был сделан на выселение осевших в городах беженцев в сельскую местность для работы в крестьянских хозяйствах [36, л. 2–2 об.]. Однако такие меры далеко не всегда были эффективными. Сельские хозяева в губернии и округе зачастую предпочитали пользоваться дешевым трудом военнопленных австрийцев, о чем поведали, например, в начале лета 1916 г. бе-

женцы из Новониколаевска, которые по этой причине так и не смогли трудоустроиться в деревне [36, л. 94]. За годы войны создать эффективную систему трудоустройства для основной массы беженцев местные власти не смогли, несмотря на явный дефицит рабочей силы в регионе из-за массовой мобилизации. Тем не менее губернским и местным властям в годы войны удалось не допустить гуманитарной катастрофы и избежать крупных социальных волнений среди беженцев.

Второй чрезвычайный миграционный поток был связан с военнопленными. Десятки тысяч германских и австро-венгерских военнопленных появились в Сибири уже осенью 1914 г. К марту 1915 г. военнопленных в Сибири было 174 336 чел. [37, с. 40]. Значительная часть из них располагалась на территории Томской губернии. Из общего числа военнопленных в 22 451 чел., которые на май 1916 г. были расквартированы в губернии, 7 555 приходилось на Новониколаевск, 4 017 — на Барнаул и 2 160 — на Бийск [38, л. 18]. На власти губернии, округа и городов легла ответственность за размещение военнопленных, налаживание их питания и медицинского обслуживания, привлечение их в качестве рабочей силы в промышленность и сельское хозяйство. 23 февраля 1915 г. Николай II утвердил «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», предусматривавшие посылку их партиями по 100 чел. и более сроком не менее чем на 3 месяца в распоряжение земств. В Сибири, где земств не было, распределением пленных на сельскохозяйственные работы занимались главным образом местные власти, создавшие для этого специальные уездные комитеты [39, л. 193]. На губернском совещании в Томске 5 марта 1916 г. по вопросу засева полей было решено распределить большую часть выделенных на губернию 20 тыс. военнопленных по уездам Алтайского округа. Барнаульский уезд для проведения весеннего сева 1916 г. должен был получить 8 600 военнопленных, Кузнецкий — 2000, а Бийский — 1 600. Военнопленных предполагалось разместить по селам не позднее 1 апреля и платить им так же, как и в 1915 г., — по 8 руб. в месяц [36, л. 4 об. — 5 об.].

Активно использовался труд военнопленных также в промышленности и городском хозяйстве округа. Так, в течение весны и лета 1915 г. 900 военнопленных привлекались к работам на предприятиях Риддерского горнопромышленного акционерного общества и Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей, а по просьбе городского управления Новониколаевска для работ по благоустройству города в этот период ежедневно привлекалось до 2 630 военнопленных. Использование труда военнопленных несколько уменьшило дефицит рабочей силы в округе [40, л. 20].

Вступление России в Первую мировую войну сопровождалось всеобщим патриотическим подъемом населения, что выразилось в создании надклас-

совых организаций, массовом добровольческом движении, благотворительной деятельности. На сегодняшний день многочисленные примеры благотворительности населения Алтайского округа не обобщены, не систематизированы, что не позволяет сравнить масштабы этой деятельности в регионе с аналогичным движением в других районах Российской империи. В целом деятельность всех благотворительных организаций и обществ можно условно разделить на внутреннюю и внешнюю. Под внутренней благотворительностью мы понимаем проявление заботы и помощи обществами по отношению к семьям призванных на военную службу, являющихся членами данных организаций. Примеры подобной благотворительности были разнообразны: начиная от помощи на уборке хлеба и заканчивая раздачей семьям денежных средств, собранных обществом. На наш взгляд, внутренняя благотворительность являлась проявлением традиционной общинной психологии русского крестьянства, и это свидетельствовало о превалировании коллективных начал над индивидуальными в общественном сознании населения Алтайского округа в начальный период войны. Падение жизненного уровня, дальнейшее социальное и имущественное расслоение деревни вело к разрушению коллективистского сознания. Уже с 1916 г. в периодической печати появляются сведения об отказе сельскохозяйственными обществами в помощи семьям своих запасных и о бунтах солдаток, вызванных урезанием помощи [41, с. 25–26].

Необходимо отметить, что в период войны на территории округа существенно повысилась социальная и политическая активность женщин. Именно женщины, прежде всего солдатки, были активными участницами продовольственных беспорядков. Увеличивается процент женщин, занятых в производстве (особенно в маслодельных артелях). В этот период женщины нередко возглавляли общественные организации, выступали почетными блюстителями учебных заведений. В Барнауле на этом поприще прославились М. П. Стахова, А. И. Румянцева, жены известных купцов И. К. Платонова, И. И. Федулова, А. Ф. Ворсина; в Бийске — Е. Г. Морозова, А. О. Пискарева и др.

Внешняя благотворительность была направлена на оказание помощи за пределами сельского мира или производственного коллектива. Она выражалась прежде всего в сборе денежных средств, вещей, продуктов питания. Этот вид благотворительности не был связан с традиционными ментальными установками, поэтому может рассматриваться как непосредственное проявление патриотического подъема населения. Основными организациями, занимавшимися внешней благотворительностью на Алтае, были Попечительство о призрении семейств нижних чинов при Барнаульской городской управе, Алтайский дамский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам, Учительское общество г. Барнаула, Комитет членов Государств-

венной Думы, местные отделения Всероссийского союза городов, Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам, губернские отделения Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны и комитета ее императорского высочества великой княгини Татьяны Николаевны.

Распыление пожертвований по организациям уже с 1914 г., несмотря на массовый патриотический подъем, поставило на повестку дня вопрос об изыскании средств. Большую работу в этом направлении проводило Попечительство о призрении семейств нижних чинов, при котором были созданы специальные комиссии «По изысканию средств» и «По приисканию труда». С затягиванием войны происходит сокращение сумм пожертвований.

Уже в конце 1915 – начале 1916 г. в донесениях барнаульского исправника Григорьева общественные настроения населения начинают характеризоваться как «тревожные, нервные». «Тревожное состояние главным образом является последствием невозможности хоть сколько-нибудь верно определить продолжительность войны» [42, с. 213].

К 1916 г. относится начало массовых выступлений крестьян округа против кабинетского землевладения, проявившееся в требованиях «бесплатного отпуска леса солдаткам», разоружении объездчиков, выступлениях против реквизиций и дороговизны [29, с. 210–231]. В целом выступления населения округа в 1916 г. представляли собой не столько протест против самодержавия, сколько борьбу за улучшение условий жизни. В этой атмосфере, на наш взгляд, роковой ошибкой царского правительства стало отсутствие целенаправленного создания образа внешнего врага, что смогло бы примирить население с трудностями военного времени ради победы. Поэтому под воздействием большевистской пропаганды начинает формироваться образ врага внутреннего – эксплуататора рабочих и трудового крестьянства. Этот образ и стал важной ментальной причиной революционных потрясений 1917 г.

Таким образом, вплоть до захвата большевиками власти в октябре 1917 г. и подписания ими в марте 1918 г. сепаратного мирного договора со странами Четверного союза Алтайский округ вносил посильный вклад в общее дело поддержки действующей армии. Многие из перипетий, пережитых краем в 1914–1918 гг., повторятся, хотя и на совершенно ином уровне, в 1941–1945 гг. Помощь действующей армии, мобилизация на фронт, размещение беженцев и военнопленных – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми вновь столкнутся и которые будут по мере сил и возможностей решать жители края в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в). Новосибирск, 1978.

2. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914.
3. Нагнибеда В. Я. Томская губерния: Стат. очерк. Томск, 1917.
4. Памятная книжка Томской губернии на 1913 год. Томск, 1913.
5. Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томск, 1914.
6. Обзор Томской губернии за 1914 год: В сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915.
7. Краев Ф. М. География Томской губернии. Изд. 2-е, испр. и доп. Томск, 1916.
8. Жизнь Алтая. 1915. 25 июля.
9. Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М., 1914.
10. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.) с краткой исторической справкой за предшествующее время. Барнаул, 1916.
11. ЦХАФ АК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 60.
12. Жизнь Алтая. 1915. 10 июля.
13. Сибирская жизнь. 1914. 15 нояб.
14. ЦХАФ АК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 19.
15. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975.
16. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в). Новосибирск, 1978.
17. Азиатская Россия. Т. 2. СПб., 1914.
18. ГАТО. Ф. 520. Оп. 2. Д. 266.
19. Копылов В. А., Милюхин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 249. Л. 69; ЦХАФ АК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 854.
21. Скубневский В. А. Промышленность Алтая в период империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983.
22. История Кузбасса. Ч. I. Кемерово, 1967.
23. ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1017.
24. Жизнь Алтая. 1915. 15 авг.
25. Черепов А. И. Барнаул. Барнаул, 1953.
26. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 34.
27. Жизнь Алтая. 1916. 10 февр.
28. РГВИА. Ф. 13251. Оп. 18. Д. 13.
29. Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986.
30. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000.
31. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1.
32. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 43.
33. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 34.
34. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 330.
35. Жизнь Алтая. 1915. 21 сент.
36. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 88.
37. Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925.

38. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1712.
39. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6.
40. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1782.
41. Алтайский крестьянин. 1916. 2 апр. № 14.
42. Храмов А. А. Донесения «о настроениях населения» как источник для изучения крестьянского движения в Сибири накануне 1917 г. // Крестьянство Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975.

Е. Н. Наземцева

Судьба отряда атамана Б. В. Анненкова в период Гражданской войны (по воспоминаниям самого атамана Анненкова, участников его отряда и красноармейцев)

Программы учебного курса... / Программа курса «История Алтайского края в XX в.» для 9 кл. Раздел VI. Гражданская война на Алтае; Программа курса «История Алтайского края со второй половины XIX в. до наших дней» для 11 кл. Раздел XI. Гражданская война в Алтайском крае.

Атаман Б. В. Анненков является едва ли не самой одиозной фигурой в истории Гражданской войны в России. Об Анненкове, его партизанах и их действиях на территории Западной Сибири, Семипалатинской области и в особенности на Алтае писали в период Гражданской войны, в советское время, о нем пишут и сегодня [1].

Дворянин, прямой потомок декабриста И. А. Анненкова, сосланного в Сибирь, Б. В. Анненков родился в 1889 г. под Киевом в семье отставного полковника, который затем погиб в русско-японскую войну вместе со своим старшим сыном (братом Б. В. Анненкова). Получил прекрасное образование: в 1906 г. окончил Одесский кадетский корпус, в 1908 г. – Московское Александровское военное училище. Затем был направлен хорунжим в 4-й Сибирский казачий полк, расположенный в Джаркенте [2, с. 121].

Именно в этот период формируется печально знаменитый характер будущего атамана. Бывший участник анненковского отряда (один из адъютантов Анненкова), оказавшийся впоследствии в эмиграции в Китае, вспоминает о нем: «Уже на младшем курсе училища он выделялся среди юнкеров как отличный строевик, гимнаст и ездок». Этому способствовали и его колоссальное честолюбие и гордость. Он никогда не прощал предательства и трусости, не терпел оскорблений. В конце первого года пребывания в училище он ударил по лицу вахмистра, оскорбившего его и подвергнувшего неза заслуженному наказанию [3, л. 141].

Вместе с тем Б. В. Анненков не забывал верности и преданности. Уже в эмиграции он продолжал заботиться о тех, кто ему служил. Бывшие участники его отряда отмечают, что Анненков не бросал слов на ветер. Раз отданное им распоряжение не отменялось. Он не курил, не пил, был умерен в еде и одежде и требовал того же от своих партизан.